

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 174—182.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 174—182.

УДК 130.32:123.1:141.319.8

EDN <https://elibrary.ru/pyhxme>

DOI: 10.46726/Н.2026.3.19

СОЗНАНИЕ БЕЗ САМОСТИ, СТРАДАНИЕ БЕЗ СВОБОДЫ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Леонид Джоржович Петряков, Виталий Николаевич Зосимчук

Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru, zosimchuk1960@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение теории неличного сознания Дерек Парфита к современному состоянию массового сознания и его рецепции в русской культуре и философии. Такое сознание реализует себя в созерцательном, безвольном образе жизни. Авторы ставят проблему реакции безличного сознания на внешнюю необходимость, побуждающую его становиться субъектом деятельности. Целью статьи является исследование противоречия: свободы как неотъемлемого свойства человека и внешней необходимости, определяющей направленность и характер всей его деятельности. Результатом этого противоречия выступает страдание — состояние тревоги и неуверенности, которое человек стремится преодолеть. Основным методом исследования является диалектика свободы и необходимости, дополнительными методами выступают историко-философский, компаративистский, сравнительно-культурный. Авторы приходят к выводам, согласно которым сознание предполагает определённый вид свободы: свободу-волю при наличии самости или свободу-пустоту при её отсутствии. Внешняя необходимость, отчуждающая свободу человека, приводит к разрушительным проявлениям. В результате исследования сформулирован ряд тезисов о необходимости учитывать особенности общества, в котором значительную часть составляют люди — носители неличного сознания.

Ключевые слова: Д. Парфит, сознание, субъект, свобода-пустота, свобода-воля, страдание, буддизм, русская философия, западное мышление

Для цитирования: Петряков Л.Д., Зосимчук В.Н. Сознание без самости, страдание без свободы (постановка проблемы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 174—182.

Введение. Мы привыкли мыслить и утверждать, что мир и человек — постоянны и очевидны, их отношения выступают основой всех философий в мире, хотя можно представить мир, в котором человека нет, он отсутствует или настолько растворён в этом мире, что малозаметен. Это может быть результатом архаичного, мифологического сознания, сиблинговых отношений, множественной личности, подмены электронным двойником ИИ личного «Я», массового проявления безличного «мы».

Отсутствие самости. Дерек Парфит [Нехаев] утверждал, что наше «Я» — это не единый неделимый объект, а скорее сеть взаимосвязанных мыслей, воспоминаний и черт характера. Важна не сама личность, а психологическая связь между ее состояниями. Своими идеями он перекликался с буддийской философией — доктриной анатмана и взглядами Дэвида Юма [Юм], согласно которому сознание есть «пучок восприятий», чувства возникают раньше разума, а личность

лишена постоянного «я». Она есть непрерывный поток постоянно сменяющих друг друга мимолетных мыслей, эмоций и ощущений.

Если понимать субъект как стержневое «Я» (эго), то сознание без него возможно — это подтверждается как восточными практиками, так и нейробиологией [Гаспарян]. Если же субъект — носитель опыта, то сознание неотделимо от него. С точки зрения нейробиологии, наш мозг не имеет единого центра управления. «Я» — это скорее иллюзия, которую мозг конструирует для выживания. После операций по рассечению мозолистого тела у человека могут возникать два независимых потока восприятия. При этом левое полушарие активно придумывает рациональные объяснения действиям правого полушария, создавая видимость единого субъекта. При некоторых расстройствах или глубоких медитативных практиках ощущение «Я» исчезает полностью, происходит деперсонализация. Человек продолжает воспринимать мир, видеть, слышать и реагировать, но позиция наблюдателя отсутствует. В буддизме и адвайта-веданте сознание рассматривается как базовое свойство реальности. Субъект «Я» — это иллюзия. Когда иллюзия растворяется, остается чистое, безобъектное сознание, что невозможно в европейской классической философии.

Если перефразировать мысль И. Фихте [Фихте], «Я», не озабоченное внешним, находится в пустоте отношения с «не-Я», как объектом. То есть, глядя в зеркало, человек видит мир вокруг, но не себя в мире. Отсутствие озабоченности «не-Я» освобождает «Я», лишая отношения к чему-то, что и является им самим. Это «Я» является сознаваемым телом. Исходя из буддистского принципа пустоты, его внутренние и внешние восприятия не различаются, внутреннее рассматривается как внешнее для «я», а внешнее как его внутренняя свобода. Мысленный эксперимент Д. Парфита [Секацкая], показывающий разделение единого сознания на двух людей в действительности имело место в массовом обществе, где многие (хотя и не все), мыслили как один человек, имея как общее трагическое прошлое страны, что показал В. Ерофеев [Соколова: 2020], так и общее будущее — коммунизм, реально выраженное в предсказуемости жизни. Это называлось «коллективным сознанием». Для него были характерны не только общие слова и мысли, но и одинаковые чувства и ощущения, испытываемые разными людьми и за счёт этого «понимающими» друг друга с полуслова.

Кажущаяся абсурдность сценария «диффузной» личности («Я = Левша + Правша») — личности, которая рассеяна по двум и более разным объектам, — заключается в том, что мы допускаем возможность для одной и той же личности быть систематически не знакомой со своими же собственными ощущениями. Нейрофизиологии известны случаи расщепленного мозга (split-brain cases) [Ковязина], когда человек в результате рассечения мозолистого тела актуально формировал две абсолютно самостоятельные зоны ментального опыта. Например, если такого человека, когда он левым глазом видит лежащее на столе яблоко, спросить, что именно лежит перед ним на столе, он ответит, что там ничего нет, тем не менее, он без всякого труда возьмет это яблоко в руки, если его об этом попросить.

Свобода как пустота. Сознание в отсутствие активного субъекта безвольно, то есть лишено свободы воли, поскольку способность осознавать себя и мир не обязательно делает наши действия автономными. Вы осознаете свой выбор, но сам выбор произошел в нервной системе до того, как вы о нем подумали. В этом случае сознание есть, но свободы воли нет. Сознание нужно для того, чтобы ориентироваться в среде и адаптироваться, но каждый шаг человека предопределен обстоятельствами. Свобода воли, напротив, означает возможность действовать в соответствии со своими внутренними мотивами и ценностями, без

внешнего принуждения, то есть вопреки адаптации и обстоятельствам. Тождество свободы пустоте предполагает простой обмен: отнесение внешнего восприятия внутрь сознания, а внутреннего — вовне. Тождество, обеспеченное этим обменом, приводит к единству сознания с миром как целым, включающим это сознание как свою часть. Человек растворяется в мире, и его ощущения являются частью внешних впечатлений, вписывают его в контекст мира.

Результатом освобождения от воли становится формальное «я», тождество которого самому себе обеспечено только психическим процессом восприятия, а не культурной или социальной обусловленностью. Сознание автоматически совершаемых действий, наблюдателя, наблюдающего деятельность тела в отсутствие деятеля «я», рассматривающего сон как явь и явь как сон. Удивление — единственная эмоция, проявляемая наблюдающим сознанием. Оно и является его содержанием. Такое сознание автоматически и не тождественно самому себе во всякий момент нового наблюдения, поскольку психический процесс есть постоянное изменение, поддерживающее этим различие своё постоянство. В процессе деятельности тела ничто не соответствует сознанию, как и сознание не соответствует чему-либо. Сознание «скользит по поверхности» действительности, где происходит действие, не проникая в сам этот процесс.

Такой концепцией сознания преодолеваются противоречия солипсизма, самообъяснения гегелевского Духа и отождествления нетождественного через идентификацию с Другим. Сознание, рассмотренное как воспринимающее отражение внешнего мира, определяет этот мир как единство и различие сознания-наблюдения и телесного восприятия-действия. Примерами его носителей могут служить чиновник Мерсо, главный герой «Постороннего» А. Камю и Илья Обломов — герой одноимённого романа И.А. Гончарова.

Страдание как внешняя необходимость.

Далеко не каждый человек может жить подобно названным героям. Жизнь, требующая от него усилий, труда, воздействует на его сознание как внешняя необходимость. Такое сознание, лишённое как свободы-воли, так и свободы-пустоты, сталкиваясь с внешней необходимостью, воспринимает её как страдание. Страдание в русской культуре передаёт сам процесс бытия, не являясь ценностью или смыслом последнего. Находясь в центре «механизма» жизни, страдание способно соединять самые далёкие её аспекты: волю и веру, свободу и любовь, ненасилие и насилие. Тем самым раскрывая «тайну» русской души, зависимость между состояниями, чувствами и поступками. Страдание как философская категория — это фундаментальное понятие, описывающее претерпевание боли, горя или тревоги, противоположное активной деятельности [Чанышев]. В философии страдание часто рассматривается как переживание абсурдности бытия или неотъемлемая часть человеческого опыта.

Иное понимание страдания и его места в жизни человека характерно как для буддийских культур как Востока, так и христианских культур Запада. А. Шопенгауэр [Шопенгауэр] понимает жизнь как маятник, колеблющийся между желанием и скукой. И то, и другое ведёт к страданию человека. Мир же есть мировая воля и представление о ней в сознании человека. «Победа над страданием есть победа над желанием», — говорит буддизм. Аскетизм, нирвана и пустота (шуньята) ведут к свободе от намерения, озабоченности внешней реальностью. Буддизм утверждает, что убеждение в объективном существовании своего «Я» — это главное заблуждение, порождающее привязанности, страдания и сансару (цикл перерождений). Свобода-пустота не есть нигилизм, а понимание того, что вещи существуют условно, без неизменной внутренней сущности. Осознание сознанием

отсутствия постоянного «Я» помогает преодолеть эгоизм, страх и страдания, освобождая ум для достижения нирваны.

Западное мышление есть утверждение бытия, сущности вещи. Гегелевский раб, осознавший себя рабом, становится господином, а господин — рабом своего раба, этим достигается их тождество. Желания, возникающие в сознании, есть воля к жизни, ведущая в «бездну» [Бакусев], то есть в ту же свободу-пустоту по свободной и доброй воле [Кант]. Преобразуя эту пустоту свободы своей волей в нечто новое. Стрдание тогда есть цена достижения ценностей, заявленных как цели этой жизни. Конечные, практические цели достигаются ценой ограниченного страдания. Мелу страданий, мелу свободы и необходимости определяют эмпирически [Фихте: 95]. При этом соответствие желаний и возможностей есть идентичность, соответствие «Я» самому себе. Что ведёт к свободе от озабоченности внутренней жизнью.

Но А. Шопенгауэр [Шопенгауэр] хочет победить не страдание, а волю, направив её к состраданию другим, то есть к страданию ещё большему! Эмпатия, возникающая из страданий, рассматривается им как глубокий источник смысла. Ф. Ницше, продолжая эту мысль, рассматривал страдание как средство достижения величия души, способствующее развитию личности человека до «сверхчеловека», творца, изменяющего как себя, так и мир вокруг. Ницше [Ницше] считал, что только «школа великого страдания» способна создать что-либо выдающееся. Боль воспитывает выносливость, мужество и изобретательность. Жизнь неотделима от боли, и попытка избежать её — это отрицание самой жизни, признак декаданса. Важно не само страдание, а способность найти в нём смысл и использовать его как вызов, а не как наказание. Ницше видел единство удовольствия и боли, полагая, что величайшие наслаждения доступны тем, кто больше всего страдал. Стрдание возникает как от бессилия познать мир, так и от осознания силы знания, разделяя субъект и объект, и тем самым разрывая связь безличного сознания с внешним миром, побуждая воспринимать его объективность.

В истории русской мысли Л.Н. Толстой, обосновывая идею ненасилия, отрицал абсолютную свободу личности, считая, что человек сознательно действует для себя, но служит бессознательным орудием для выполнения общих исторических или божественных законов [Меняева]. Свобода воли, по Толстому, заключается не в управлении внешними событиями, а в нравственном выборе: подчиниться животным инстинктам (или эгоистичным страстям) или выбрать духовное развитие, любовь и служение людям. То есть тоже самоограничение: ненасилие вовне есть насилие против собственного эгоизма и, безличной и злой Абсолютной воли! Приводит ли тогда страдание к свободе-пустоте или свободе-воле? Или остаётся орудием несвободы?

(Не) преодолимость страдания-бытия.

«Метафизическое страдание как тоска или страх утраты даёт новое понимание субъекта, который содержит в своих духовных недрах абсолютную тоску или страдание по неизведанному. Этот субъект постоянно трансцендирует за свои пределы, представляя собой открытую систему значений и смыслов» [Парусимова: 21]. Это оптимистическое понимание страдания, открывающее субъекта во вне, к объектам, где он и находит смыслы своего бытия-страдания. В виде стремления предотвратить неизбежную или вероятную утрату, изменить окружающий мир, убедить других в некой усвоенной им истине страдания.

Русское мышление, в его классических образцах, есть мышление безграничное, это желание бесконечного, то есть пустого (в буддийском смысле) бытия. Нелюбовь ко всякой срединности, разгул безмерности — это черты не только

русской исторической стихии, но и русского философского сознания «с его недооценкой принципов формы, меры и дифференциации» [Степун: 30]. Реализует бесконечное бытие внешняя воля, ведущая к бесконечному страданию, соответствующему и наполняющему эту пустоту. Прекращение страдания, борьбы с судьбой есть освобождение, облегчение, но оно же есть смерть как физическая, так и душевная и духовная. Страдание, рассмотренное как сущность жизни, ведет начало от «страды» хозяйства. Страда — посевная или уборочная — тяжёлая, неизбежная работа, поскольку отсутствие страды ведёт к голоду — худшему из зол. Слова «страда» и «страдание» восходят к общему праславянскому корню, который означал «усилие, напряженный труд и боль». Изначально оба понятия связывались с тяжелым физическим трудом и преодолением себя. «Страдание» восходит к тому же корню *stradati* (терпеть нужду, мучиться). В своей сути страдание означает «претерпевание», «усиленное напряжение воли и духа» при преодолении тягот. К этому же этимологическому гнезду относится слово «страсть» (церковнослав., буквально — претерпевание, мучение или сильное напряжение чувств) и «стараться» [Фасмер]. В этом корне — двуединое тождество стараний и «страстей Христовых», «Страстей по Андрею» Андрея Тарковского и других страданий-страстей.

При этом сострадание другому без активных действий приводит к росту числа страдающих, увеличению как моих, так и его страданий, то есть к жертвам. Жертвенность, проявленная в культуре, удовлетворяет душевный и ментальный голод, наполняет «пустоту» пространства, даёт «пищу» для размышлений и написания глубоких книг. Субъект и объект, возникшие благодаря страданию, есть палач и жертва. Осознание жертвой своей жертвенности не делает её палачом или господином, а внушает гордость за свою жертвенность. К примеру, на одной из улиц Ярославля, где располагаются мечеть, кирха, синагога и церковь, образуя ряд способов веры, также расположен ряд памятных камней: жертвам депортации, войны, мятежа, образуя жертвенный ряд. Жертвенность — характерная часть русской культуры, память о жертвах формирует коллективную идентичность — национальную или религиозную, но жертвенность как таковая, идентичность личного «я» стирает полностью. Как писал Р. Жирар, «Когда общество сталкивается с кризисом, оно переносит хаос на одну фигуру, а после её принесения в жертву снимает напряжение, наделяя её статусом божества или святого» [Жирар].

Артур Шопенгауэр рассматривал палача и жертву не как двух отдельных противников, а как единое целое — две стороны слепой, иррациональной «мировой воли». По его мысли, в космическом масштабе мучитель и мучимый тождественны, поскольку всякое страдание едино. Когда один человек причиняет боль другому, мировая воля (сущность всего сущего) наказывает и терзает саму себя. И палач, и жертва в равной степени являются слепыми орудиями и заложниками этой воли. Понимание того, что «палач» и «жертва» едины, рождает истинное сострадание. Это осознание снимает завесу иллюзий, останавливает круговорот насилия [Шопенгауэр]. Осознание палачом своего палачества может привести его к безумию и роли жертвы (фильм «Чекист»), но для их единства необходимо «восстание жертвы» в морали (по Ницше), что разрушит основной принцип их бытия — вынужденное подчинение чужой и злой воле.

Пустота как изначальная свобода по Фихте, предшествующая любому бытию, вещи или закону. Это чистый потенциал, из которого рождается осознание, дух и само творение. Для Фихте свобода — это не данность, а постоянное преодоление не-бытия, где пустота выступает как чистое «Я», свободное от природной необходимости [Фихте]. Исходным пунктом его философии выступает

чистое действие сознания, свободное от любого диктата внешней среды или объектов. Пустота Я заполняется бесконечным процессом самосовершенствования и морального действия. Бердяев, заимствуя концепцию Якоба Бёме, трактует первичную свободу как бездонную, темную «бездну» или «пустоту», которая не имеет основы в Боге и не детерминирована им [Бердяев]. Именно эта изначальная пустота позволяет человеку совершать подлинный творческий акт. Человек творит не из уже существующего мира, а прорываясь в абсолютную свободу небытия, придавая ему форму и смысл.

Будучи побеждённая внешним, бесконечным страданием-бытием, свобода прорывается в бытие как воля к ничто, к разрушению, в том числе к разрушению себя, «стиранию» собственной личности, индивидуального сознания и растворению себя во всеобщем страдании-бытии [Соколова]. Даже в малом разрушительная свобода проявляется в преднамеренном несогласии с порядком вещей: бессмысленном нарушении правил, обмане, «озорстве», что является повседневностью такого социального института, как армия. Сознание собственной вины не приводит к действительному покаянию, а только к увеличению страданий, как душевных, так и физических, соответствующих безмерности бытия. Точнее, само покаяние становится новым страданием и парадоксальным «самоочищением» страдающего от ответственности и вины.

Страдание, замещающее собой свободу, объясняет и другое свойство нашей культуры — синкретизм, нерасчленённость себя и другого, «Я» и «не-Я», ведущее не к всеединству, а к бесформенности и даже к «формоборчеству», человека массы. Об этой опасности массового сознания писали К. Юнг, Э. Фромм. В «Бегстве от свободы» Фромм видит причину отказа от социальной активности из-за чувства неуверенности, тревоги и отчужденности, в результате чего человек теряет свою индивидуальность, становясь частью социального механизма и принимая решения под давлением общества [Фромм].

Гармония конечного и бесконечного, человека и общества, государства — неосуществлённый идеал русской культуры. Бесконечность, как и всеединство, — философские термины эпохи Возрождения, использованные Николаем Кузанским. Его абсолютный минимум тождественен абсолютному максимуму, а последний является развёртыванием первого, и наоборот: минимум есть свёртывание максимума в «микрокосм». Но для этого действия нужна не только вера в его возможность, но и воля, которая не может быть волей к ничто. Безличностное сознание, свёрнутое в микрокосм, поглощено бесконечным страданием и поэтому не может «развернуться» от своего причинного бытия к миру и Богу.

Заключение. Рассмотрев проблему отсутствия самости, мы приходим к тому, что личность — сугубо социальное, культурное образование. Подвергая её ревизии и критике, мы ставим ряд новых проблем:

— проблема ответственности «не-личности»: почему мы наказываем тело, а не побудивший его к действию психический процесс? Если человек как психическая связь изменен, то наказание будущего «я» за проступки прошлого «я» бессмысленно. Такое наказание есть запугивание других людей, а не справедливое воздаяние.

— если психические процессы индуцируются на массовом уровне «мы», то ответственность за их развитие также должна лежать в области причин их возникновения, а не следствий — отдельных поступков индивидов;

— страдание позитивное — творчество, преодолевающее «сопротивление материала» есть норма и его стоит приветствовать и поощрять.

Список литературы / References

- Бакусев В.М. Лестница в бездну: Ницше и европейская психическая матрица. М.: Культурная революция, 2012. 295 с.
(Bakusev V.M. Stairway to the abyss: nietzsche and the european psychic matrix, Moscow, 2012, 295 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
(Berdyayev N.A. The destiny of man, Paris, 1931, 320 p. — In Russ.)
- Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 80—96.
(Gasparian D.E. Phenomenology without a transcendental subject: Neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective, *Philosophy Journal*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 80—96. — In Russ.)
- Гусейнова Н.Н.К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 241—245.
(Huseynova N.N.K. Images of a “small” person and an “extra” person in the literature of the 19th century, *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 3 (32), pp. 241—245. — In Russ.)
- Жируп Р. Насилие и священное. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
(Girard R. Violence and the sacred, 2nd ed., Moscow, 2010, 448 p. — In Russ.)
- Кант И. Критика практического разума. М.: Юрайт, 2021. 177 с.
(Kant I. Critique of practical reason, Moscow, 2021, 177 p. — In Russ.)
- Ковязина М.С. Синдром «расщепленного» мозга и факторы межполушарного взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 17—24.
(Kovvazina M.S. Split brain syndrome and factors of interhemispheric interaction, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2014, no. 3, pp. 17—24. — In Russ.)
- Меняева М.П. Идея ненасилия в контексте философии культуры (Л.Н. Толстой, М. Ганди и Э. Фромм) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 1 (17). С. 23—29.
(Menyaeva M.P. The idea of nonviolence in the context of cultural philosophy (L.N. Tolstoy, M. Gandhi and E. Fromm), *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2009, no. 1 (17), pp. 23—29. — In Russ.)
- Нехаев А.В. Дерек Парфит: забота ни о ком, как о себе самом // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2018. № 4. С. 49—59.
(Nekhaev A.V. Derek Parfit: Caring for no one but oneself, *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2018, no. 4, pp. 49—59. — In Russ.)
- Ницше Ф. Сборник произведений: По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо. М.: Харвест, 2007. 880 с.
(Nietzsche F. Collection of works: Beyond good and evil; The Wagner case; Antichrist; Ecce Homo, Moscow, 2007, 880 p. — In Russ.)
- Парусимова Я.В. Страдание как философская категория: дис. ... канд. филос. наук: Оренбург, 2003. 131 с.
(Parusimova Ya.V. Suffering as a philosophical category: diss. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Orenburg, 2003, 131 p. — In Russ.)
- Секацкая М.А. Пересадка мозга и тождество личности: альтернативная интерпретация одного мысленного эксперимента // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 42, № 4. С. 67—76.
(Sekatskaya M.A. Brain transplantation and identity: An alternative interpretation of a thought experiment, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 67—76. — In Russ.)

- Соколова М. Венедикт Ерофеев: до боли близкий // Colta.ru. 2020. 4 авг. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/25060-marina-sokolova-moskva-petushki-novye-klyuchi> (дата обращения: 14.11.2025).
(Sokolova M. Venedikt Yerofeyev: Painfully close, *Colta.ru*, 2020, Aug. 4. — In Russ.)
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М.: Захаров, 2023. 752 с.
(Stepun F.A. The former and the unfulfilled, Moscow, 2023, 752 p. — In Russ.)
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.
(Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language, Moscow, 1964, vol. 1, 562 p. — In Russ.)
- Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1: Основа общего наукоучения. С. 65—337.
(Fichte I.G. Works in two volumes, St. Petersburg, 1993, vol. 1: The foundations of general philosophy of science, pp. 65—337. — In Russ.)
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1994. 233 с.
(Fromm E. Escape from freedom, Moscow, 1994, 233 p. — In Russ.)
- Чанышев А.А. Страдание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 642—643.
(Chanyshev A.A. Suffering, *New Philosophical Encyclopedia*, Moscow, 2010, vol. 3, pp. 642—643. — In Russ.)
- Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1: Мир как воля и представление. С. III—IV.
(Schopenhauer A. Collected works: in 5 vols., Moscow, 1992, vol. 1: The world as will and representation, pp. III—IV. — In Russ.)
- Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. Минск: Попурри, 1998. 720 с.
(Hume D. A treatise on human nature, Minsk, 1998, 720 p. — In Russ.)

CONSCIOUSNESS WITHOUT SELF, SUFFERING WITHOUT FREEDOM (PROBLEM STATEMENT)

Leonid D. Petryakov, Vitaly N. Zosimchuk

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation,
tkstudia@yandex.ru, zosimchuk1960@mail.ru

Abstract. The article examines the application of Derek Parfit's theory of impersonal consciousness to the current state of mass consciousness and its reception in Russian culture and philosophy. This consciousness manifests itself in a contemplative and weak-willed lifestyle. The authors pose the problem of the impersonal consciousness's reaction to external necessity, which motivates it to become a subject of activity. The purpose of the article is to explore the contradiction between freedom as an inherent human characteristic and external necessity, which determines the direction and nature of all human activity. This contradiction results in suffering, a state of anxiety and uncertainty that humans strive to overcome. The main research method is the dialectics of freedom and necessity, while additional methods include historical-philosophical, comparative, and cross-cultural analysis. The authors conclude that consciousness implies a specific type of freedom: freedom-will in the presence of selfhood, or freedom-emptiness in its absence. External necessity, which alienates human freedom, leads to destructive outcomes. The study concludes with a series of theses emphasizing the need to consider the characteristics of a society where a significant portion of individuals possess impersonal consciousness.

Keywords: D. Parfit, consciousness, subject, freedom-emptiness, freedom-will, suffering, Buddhism, Russian philosophy, western thinking

For citation: Petryakov L.D., Zosimchuk V.N. Consciousness without self, suffering without freedom (statement of the problem), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, no. 3, pp. 174—182.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 13.08.2026.

The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 13.08.2026.

Информация об авторах / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор, Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru, SPIN: 8892-2179

Petryakov Leonid Dzhordzhovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

Зосимчук Виталий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, Zosimchuk1960@mail.ru, SPIN: 1902-6186

Zosimchuk Vitaliy Nikolaevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation, Zosimchuk1960@mail.ru